

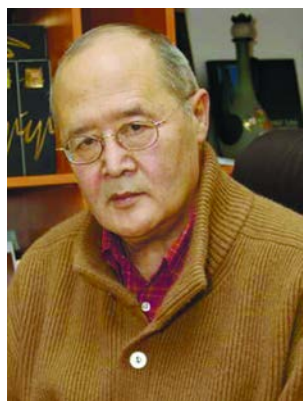
№ 10 (октябрь), 2016 г.

«Времен связующая нить» Мурата Ауэзова

На книжную полку

Адольф Арцишевский

Мы не читаем не потому, что «ленивы и нелюбопытны» (А. С. Пушкин), а потому, что оглушены гулом сверхплотной эпохи, нам не слышать «шепот, робкое дыханье» и SMS-сообщения – эпистолярное пространство наших дней. Дневник – кардиограмма человеческой души – исчез как некий атавизм, и непрерывный цейтнот отдалил нас от самих себя. Мобильник и iPad с бегущей новостной строкой сделали неуместной книгу в наших руках, и мы погружаемся в трясину бездуховности. Был бы лишь рад, если преувеличиваю.

И вдруг (опять же подмечено классиком) «душе настало пробужденье»: случайно или в силу обстоятельств взял в руки книгу, раскрыл ее, прочитал несколько строк, и чтение ее стало неизбежностью, от него, как от наваждения, уйти уже не сможешь. Хотя поначалу один лишь вид фолианта вызывает оторопь: это даже не кирпич, а крупнопанельный блок. 750 страниц! Но, забегая вперед, скажу: когда удалось одолеть, как Памир, как горную страну, большую часть пространства книги и страницы ее стали с неизбежностью таять, в душе появились беспокойство и сожаление, что близишься к финалу, что возникшее родство с автором придется прервать, поскольку

грядут последние редуты текста.

Сравнение с редутом неслучайно. Книга Мурата Ауэзова «Времен связующая нить» скорее даже не по расчету автора, а по наитию получилась как фортификационное сооружение, надежное и крепкое. Его хочется обживать, в нем можно не просто укрыться от душевных невзгод, но и в унисон с автором, настроившись на его интеллектуальную волну, углубиться в собственные сомнения. И, одолевая в самом себе смуту, попытаться войти в диалог с эпохой и временем, уловить созвучие с ним и диссонансы, несогласие. Душа обязана трудиться, это тот самый случай, когда чтение книги вызывает в душе беспокойство и понуждает ее к действию. И вполне закономерно на последней странице книги дан адрес сайта www.iprokgena.kz – «новый в интернет-пространстве проект, целью которого является поддержка произведений, дееспособных в преемственных связях между культурами прошлого и современности». И самое главное, брошенное как бы случайно: тексты «не адаптированы к праздному восприятию». Это целиком и полностью характеризует не только сайт, но и саму книгу.

Становой хребет ее – дневниковые записи, относящиеся к разным периодам жизни автора. Но ведущий лейтмотив этих записей – душевное неустройство, разлад человека с окружающим его миропорядком, разлад с системой, неразрешимые противоречия с ней. Стремление вырваться из окостеневшего контекста жизни, содрать с себя коросту слепого послушания господствующим идеологемам. И поиски своих корней, пронзительное вслушивание в самого себя, в тот номадический зов, что бурлил в кровотоке, подступал к горлу, искал заветные слова, чтобы их услышали казахи, которым велено забыть, что по сути своей они кочевники, что это альфа и омега их недавнего бытия. В авторе мужала душа патриота, здесь истоки движения «Жас Тулпар».

Ему было жизненно необходимо вырваться из опостылевших реалий города, уединиться на глухом разъезде Макат, что в Гурьевской степи. «Степной домик – один на Земле. Небо опрокинулось и нависло только над ним. Здесь живут старик со старухой и я. Ко мне протянулись нити Вселенной». И, приобщаясь к соприродной жизни путевого обходчика Хамзы и его верной спутницы Жании (а это родители Сатимжана Санбаева, ближайшего друга Мурата), он пытается разглядеть в самом себе истинного самого себя. Чтобы к самому себе вернуться. Обновленным. Наверное, об этом писал Гете в своем «Вертере». Наверное, к этому стремился Лев Толстой, уходя в свой последний путь из Ясной Поляны. И самого себя найти пытался Энкиду из «Гильгамеша». И эта небольшая главка большой книги пронизана тревогой и осмыслением нашего жизненного неустройства, но... Но она пронизана неистребимым жизнелюбием, она вопреки всему дарует ощущение физического и нравственного здоровья.

По мере чтения нам еще не раз предстоит обратиться к дневникам Мурата Ауэзова, где описаны либо его своеобразные «римские каникулы», где он пытается изъять себя из обыденной жизни, умчаться куда-то на край света в забытый богом Баскан, чтобы набраться сил для новой схватки с системой. Либо сама система пытается изъять его из духовной жизни, отправляя тираж его книги под гильотину – так называется станок для уничтожения печатной продукции. И, читая эти строки, ты просто физически обречен разделить с автором уничтожаемой книги его боль.

А дальше – дальше идут мощные пласты жизни автора, но и нашей жизни. Эссе, путевые заметки, интервью с Муратом Ауэзовым по поводу знаковых событий времени, его выступления на международных форумах. Его осмысление творчества близких по духу писателей: Ануара Алимжанова, Юрия Рытхэу, Чингиза Айтматова... И постоянная сверка маршрута по компасу Олжаса Сулейменова. И стремление соотнести наши духовные, этические и эстетические поиски с творчеством и жизнью Алишера Навои, аль-Фараби, Юсуфа Баласагуни. И глубже, дальше – с эпосом о Гильгамеше, с Книгой Коркута, с гомеровским Одиссеем. И соприкосновение автора с этническим инобытием Китая, Индии, Японии, Финляндии, Пакистана, Германии, Ирана...

А самые пронзительные, быть может, страницы – об отце, о Мухтаре Омархановиче Ауэзове, человеку поистине великом, теплая ладонь которого оглаживает голову сына, благословляя его не терять присутствия духа. Потому как, что бы ни делал Мурат Ауэзов, с чем бы ни соприкасался его беспокойный интеллект, там мгновенно высвечивается одна, но пламенная страсть – его приверженность номадическим корням, его тоска по великому Турану.

Конечно, эту книгу читать непросто, она действительно не адаптирована к праздному восприятию. В один присест ее не одолеешь. Редкая птица долетит до финала. Но если уж долетит, то будет вознаграждена и самоуважением прочитавшего ее, и всеохватной панорамой духовной жизни, которой мы жили, начиная с пятидесятих годов прошлого века и по сию пору. И кстати, великолепно, порой на редкость афористичным языком. Боюсь цитировать: остановиться будет трудно.

По прочтении книги чувствуешь близкое родство с автором, почти как с братом родным, испытывая при этом огромную признательность за его подвижнический труд – за то, что он приобщил тебя к своей жизни, доверил тебе все свое сокровенное.

(Отрывок из статьи «Искатели. Книги, без которых нам не жить», № 37, газета «Central Asia Monitor»)